

ЭТОТ СЛАВНЫЙ ВЕЛИКАН

Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ

Давно замечено, что русский характер не терпит середины и любит крайности. Быть может, не меньше мы любим парадоксы. Вот недавно, на одном международном семинаре прозвучала мысль о том, что — порождение советской системы и социального заказа — отжили свой век и, в принципе, не нужны. Немецкие товарищи изумились: «Э, да вы детей не любите». У них, правда, свои представления о задачах воспитания. Театр должен быть актуальным, показывать правду жизни. И зря, как они считают, мы нашу юную поросль все классикой да сказками лирикаем. Но это, к слову.

В одном из первых откликов на премьеру Российского Академического Молодежного Театра «Великаны и козьяки» режиссера Александра Пономарева пожурили за то, что, делая детский спектакль, он ружал не только художественную задачу, но и прикладную — хотел понравиться детям. Расхожая цитата Станиславского вроде пресловутой «вещали» — для детей нужно играть так же, как для взрослых «только лучше» — получила в решении новое толкование. Для детей нужно играть хуже, чем для взрослых. Иначе они не поймут, и с этим ничего не поделаешь.

Идея, собственно, сводится к тому, что не бывает искусства специально для детей. Искусство — для понимающих. То есть для взрослых. Хотя оно, в редких случаях, может понравиться и ребенку. А если хороший детский спектакль или фильм нравится их родителям? Такое быстрое. Бегущая лента практического, что искусство доступно детям. Создатели «Великаны и козьяки» уверены, что книга публики одарена фантазией и юмором. Проще говоря, они вовсе не думают о зрителях как о козьяках, а о себе как о великанах. Да и поэты, чьи стихи звучат в спектакле, делали так же.

Сегодня, как ни кляни тоталитарное прошлое, нельзя не изумляться, какая удивительная детская литература расцветала в те времена, бесчеловечные годы. Можно гадать, была ли это форма протеста, или форма ухода от действительности, но факт остается фактом. Эти тексты не устарели: их авторы — Д. Хармс, С. Маршак, А. Введенский, Ю. Владимиров, Н. Олейников, К. Чуковский — настоящие классики.

Это счастливые для театра тексты, ведь не случайно успех «Чуколки» Адыльды Шапиро и «Нашего Чуковского» Зиновия Корогодского, «Туд-бай, Америки!» Генриетты Яновской и «Человек — расовый!» Анатолия Праудина. Из удач более близких — «Крокодил» того же Праудина, «ЧУ-ХА-ХА» Александра Кузина.

Александр Пономарев поставил в РАМТе свой третий спектакль. Напомним, что за первый — «Победу над солнцем» А. Крученых — он получил «Золотую Маску» в номинации «Новая драма» — Шамаи и Снегурочка» был также замечен критикой. В «Великаны и козьяки» жанр спектакля определен как Прин Травы и двух Заекучих отчасти вены черты индивидуального стиля режиссера, всегда чуточку слышащего слово и легко сближающего эпохи. «Великаны» — антология детской поэзии, но и антология течений и стилей, любимых Пономаревым, — конструктивистов и футуристов вкупе с обзуритами. Эта перекличка эпох, возможно, будет угадана родителями, но увлекательная

игра в стили здесь вовсе не искусство для искусства. Режиссер и автор пьесы привлек к работе двух полнопрованных соавторов — художника Сергея Ткунина и композитора Стефана Андрусенко. (Он же музыкальный руководитель проекта и исполнил эпизодической роли Таракана.) В прологе на пустую сцену выведут музыканты на диоксидных волососмехах живой оркестр заедат том всему зрелищу.

Пустое пространство стремительно обживается. Как появляются ноты на нотной строке, как появляются стихи на белом листе бумаги. Мне кажется, «Великаны» — спектакль о природе творчества. В оформлении спектакля важную роль играют забавные объекты, они и декорации, и бутфорды одновременно. Они конструированы из проволочных каркасов и крафта

(светло-коричневый почтовой бумаги), материалов легких и пластичных.

Одни и те же предметы стремительно меняют назначения. Так, бумажный букет превратится в забавную шляпу-попух, а потом в раструб граммофона. Из бумаги и каркасов возникнут по пьезде, то башня, похожая на жирафа. Правдоподобие исключается избранной стилистикой. Скажем, подражая за время пути собака, в «Даме, сдававшей багаж», — совершеннейший смешной. Но не страшный, а очень смешной.

Герои и героини — ЧУДАКИ и ЧУДАЧКИ одеты в яркие клоунские костюмы. Актеры образуют ансамбль, в котором нет главных и второстепенных ролей, все они, одновременно, и дзани, и рассказчики, и персонажи.

Вот поезд прибудет в Ленинград. На платформе прозвучит глитровский «Тимм великому городу». По дороге мелькнет голубеский нос собственной персоны. А барбабанный мастер (Юрий Луценко), что живет на улице Караванной, будет раскуривать трубочку под звуки «Элегии» Массне. Простыми вроде бы средствами создан образ Ленинграда — столицы великих детских поэтов.

Большинство стихотворений зал знает наизусть. Каждое из них — игра — словами, звуками, смыслами. За знакомыми с детства текстами — мощный пласт культуры — фольклорные мотивы, английская детская поэзия, поиски футуристов. Любимый Пономаревым Хлебников называл себя Председателем Земного Шара. Он казался чудачком, а был Великаном. Детская лите-

ратура всегда играла масштабам. Образ великана для нее хрестоматийен. Тут, если хотите, целый мир. («Раз, два, три, четыре!» Начинается...») В сорок тринадцатой квартире Великан живет у нас! (...) Полон силы богатырской! Он от дома до ворот! Целый поезд пассажирский! На веревочке висит! (...) Пароход как пароходом! Он выводит в океан! И растет он с каждым годом! Этот славный великан!)

Этих стихов Маршак нет в спектакле. Но отражено оно существует, как и множество других, не попавших в «избранное».

«Великан» в спектакле — детский стульчик, увеличенный в размер портала. На нем появится мальчик Пята. «БОРОДИН» — радостно констатируют чудаки и чудачки. Герой Александра Введенского носит ту же фамилию, ито и художественный руководитель РАМТа. Чужесное совпадение оценят взрослые зрители.

Режиссер придумал верный способ существования астероидов в этом спектакле. Они не играют детей. Придуманные персонажи — чудаки — тоже цитата из обзуритов. Это фигуры, символизирующие вечное детство. Запоминаются Пята — Михаил Полицеймако в полостом костюмчике и полосатой же шапочке — осязательный и ироничный увалец, и Шарик — Татьяна Шатилова — наивная и трогательная клоунесса в красно-желтом балахоне.

Чудаки пародируют детей и взрослых. Вот пушистый шарфик на наших глазах превратится в Усагого-полостого. Девочка, мчащаяся котенка, — пародия на настырную маму, воспитывающую ребенка. И так далее.

Во втором акте две сказки Чуковского «Тараканчик» и «Муха-Цокотуха» играют «встык», одновременно, в самом деле сюжетные перекликаются. Страшилица Таракан и Паук и герои-победители Комар и Бородой обнаруживают родство и сходство. Замечательная удача художника и режиссера — образ Таракана, у детского стульчика-чудаки вырастают ноги. «Тараканчике Цокотуха» — по жанру — нечто вроде комической оперы с пародийными номерами то под Вертинского, то под австрийский юдль. Финал спектакля неожиданно оставлен как симфония Шуберта. Один за другим уходят со сцены артисты и музыканты. На сцене остается один чудачка (Париса Мораская), прижимающая к себе бумажного лебедя. Грустная нотка превращает прощание со спектаклем в прощание с детством.

На первых представлениях спектакль казался несколько перегруженным, в особенности музыкой. Но наблюдая за «козьячками» (на премьеру пришло много малышей), сидевшими на коленях у родителей, можно было видеть заинтересованные лица, слышать смех и подсаки артиста. По-моему, они не скучали. Сегодняшний ребенок, окруженный телепузиками, трансформерами и покемонами особенно нуждается в смене впечатлений. Руководитель мейн «Великаны» наглядно показывает иные эстетические ориентиры. Так же, как цену и значение слова. «Великаны и козьяки» поставлены и сыграны культурными, талантливыми, интеллигентными людьми, любящими детей. Что немаловажно.

- Михаил Полицеймако в спектакле «Великаны и козьяки»
- Сцена из спектакля

Экспресс 4 апреля 1996 2001г